

Айн Рэнд

Атлант расправил плечи

Часть третья

А есть А

AYN RAND

ATLAS
SHRUGGED

PART III

A IS A

A SIGNET BOOK

АЙН РЭНД

АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ

ЧАСТЬ III

А ЕСТЬ А

Перевод с английского

Издание 2-е, исправленное

УДК 82-3;141;177
ББК 84(7);87.6
Р96

Перевод с английского Д. Вознякевича
Редакторы Л. Лебедева, С. Лиманская, Е. Паутова

Рэнд А.
Р96 Атлант расправил плечи : В 3 ч. / Айн Рэнд, Пер. с англ. — 2-е изд., испр.
— Киев: Диалектика 2008.

ISBN 978-5-9614-0864-5

Ч. III. А есть А. — 538 с.

Айн Рэнд (1905–1982) — наша бывшая соотечественница, ставшая крупнейшей американской писательницей. Автор четырех романов-бестселлеров и многочисленных статей. Создатель философской концепции, в основе которой лежит принцип свободы воли, главенство рациональности и «нравственность разумного эгоизма».

Третья часть романа «Атлант расправил плечи» развенчивает заблуждения мечтательных борцов за равенство и братство. Государственные чиновники, лицемерно призывающие граждан к самопожертвованию, но ограничивающие свободу предпринимательства, приводят страну к экономическому краху. Сюжет сплетается из финансовых и политических интриг, и одновременно звучит гимн новой этике: капиталистическая система ценностей не только социально оправданна, но и нравственна. Герой нового мира, гениальный изобретатель Джон Голт, провозглашает принцип «нравственности разумного эгоизма» одной фразой: «Я никогда не буду жить ради другого человека и никогда не попрошу другого человека жить ради меня».

УДК 82-3;141;177
ББК 84(7);87.6

ISBN 978-5-9614-0864-5
ISBN 0-451-19114-5 (англ.)

ООО «Диалектика», 2007, 2008 Издано
по лицензии Curtis Brown Ltd и
литературного агентства Synopsis

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. АТЛАНТИДА	7
Глава II. УТОПИЯ АЛЧНОСТИ	67
Глава III. АНТИАЛЧНОСТЬ	137
Глава IV. АНТИЖИЗНЬ	191
Глава V. СТОРОЖА БРАТЬЯМ СВОИМ	241
Глава VI. КОНЦЕРТ ОСВОБОЖДЕНИЯ	301
Глава VII. «ВЫ СЛУШАЕТЕ ДЖОНА ГОЛТА»	343
Глава VIII. ЭГОИСТ	425
Глава IX. ГЕНЕРАТОР	489
Глава X. ВО ИМЯ ЛУЧШЕГО В НАС	513
Об авторе	535

ГЛАВА I. АТЛАНТИДА

Открыв глаза, Дагни увидела солнечный свет, зеленую листву и мужское лицо. Подумала: «Я знаю, что это». Это был тот мир, который в шестнадцать лет она ожидала увидеть, и вот оказалась в нем. Он выглядел таким простым, понятным, что впечатление от него походило на благословение, содержащееся всего в двух словах и многоточии: «Ну, конечно...»

Дагни посмотрела на мужчину, стоящего подле нее на коленях, и поняла, что всегда готова была отдать жизнь, дабы увидеть это: лицо без следов страдания, страха или вины. Выражение лица было таково, что казалось: этот человек гордится тем, что горд. Угловатость скул наводила на мысль о надменности, напряженности, презрительности — и, однако, в лице не виделось ничего подобного, оно выражало, скорее, конечный результат: безмятежную решимость и уверенность, безжалостную чистоту, которая не станет ни искать прощения, ни даровать его. Перед ней предстало лицо человека, которому нечего скрывать или избегать, в нем не угадывалось ни страха быть увиденным, ни страха смотреть, поэтому первое, что Дагни уловила, был пронизывающий взгляд: он смотрел так, словно зрение — его любимое орудие, а наблюдать — безграничное, радостное приключение; его глаза представляли собой высшую ценность для мира и для него самого; для него — из-за способности видеть, для мира — потому, что видеть его очень даже стоило. На миг Дагни подумала, что оказалась в обществе не просто человека, а чистого сознания, тем не менее она никогда еще не воспринимала мужское тело так остро. Легкая ткань рубашки, казалось, не скрывала, а подчеркивала очертания фигуры; кожа была загорелой, тело обладало твердостью, суровой, непреклонной силой, гладкой четкостью отливки из какого-то потускневшего, плохо обработанного металла, вроде сплава меди с алюминием; цвет кожи сливался с каштановыми волосами, их пряди золотились под солнцем, глаза светились, словно единственная не потускневшая, тщательно отполированная

часть всей композиции: они походили на темно-зеленый отблеск на металле.

Мужчина смотрел на нее с легкой улыбкой, говорившей не о радости открытия, а о простом созерцании, словно он тоже видел нечто долгожданное, в существовании которого никогда не сомневался.

Дагни подумала, что это ее мир, что вот так люди должны выглядеть и ощущать себя, а все прочие годы неразберихи и борьбы были лишь чьей-то бессмысленной шуткой. Она улыбнулась этому человеку как собрату-заговорщику, с облегчением, чувством освобождения, радостной насмешкой надо всем, что ей никогда больше не придется считать значительным. Он улыбнулся в ответ, улыбка была такой же, как и у нее, словно он испытывал то же самое и понимал, что у нее на уме.

— Не нужно воспринимать все это всерьез, правда? — прошептала Дагни.

— Не нужно.

Тут сознание вернулось к ней полностью, и она поняла, что совершенно не знает этого человека. Хотела отстраниться, но вышло лишь легкое движение головы по густой траве, на которой она лежала. Попыталась встать.

Боль в спине заставила ее от этой мысли отказаться.

— Не двигайтесь, мисс Таггерт. Вы получили травму.

— Вы меня знаете?

Голос ее был спокойным, твердым.

— Я знаю вас много лет.

— А я вас?

— Думаю, да.

— Как вас зовут?

— Джон Голт.

Дагни посмотрела на него в каком-то оцепенении.

— Почему вы испугались? — спросил он.

— Потому что верю.

Он улыбнулся, словно полностью поняв смысл, вложенный ею в эти слова; в улыбке было и согласие принять вызов, и насмешка взрослого над самообманом ребенка.

Дагни чувствовала себя так, словно возвращалась к жизни после катастрофы, в которой разбился не только самолет. Она не могла собрать обломки, не могла припомнить, что знала об этом имени, знала только, что оно обозначало какую-то темную пустоту, и ее требовалось постепенно заполнить. Сделать это сейчас она не могла, человеком рядом с ней слепил ее, словно прожектор, не позволяющий разглядеть вещи, выброшенные во внешнюю тьму.

— Это вас я преследовала? — спросила она.

— Да.

Дагни медленно огляделась. Она лежала на лугу у подножия гранитного утеса, поднимавшегося на тысячи футов в голубое небо. По другую сторону луга скалы, сосны и блестящие листья берез скрывали пространство, тянущееся к далекой стене окружавших долину гор. Самолет ее не разбился — он лежал в нескольких футах в стороне на брюхе. Нигде не было видно ни другого самолета, ни строений, ни хоть каких-то признаков человеческого жилья.

— Что это за долина? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Терминал Таггертов.

— Как это понять?

— Увидите.

Смутное, будто невесть кем подсказанное желание побудило Дагни проверить, остались ли у нее силы. Она могла двигать руками и ногами; могла приподнять голову, а когда глубоко вдохнула, почувствовала острую боль, затем увидела текущую тонкой струйкой кровь.

— Отсюда можно выбраться? — спросила она.

Голос Голта казался серьезным, но отливающие металлом зеленые глаза улыбались.

— Совсем — нет. Временно — да.

Дагни стала подниматься. Голт наклонился, чтобы помочь ей, но она вложила все силы в быстрый, решительный рывок и ускользнула от его рук, сиюсь встать на ноги.

— Думаю, я могу... — начала она и, едва ее ступни коснулись земли, упала; лодыжку пронзила острая боль.

Голт поднял ее на руки и улыбнулся.

— Нет, мисс Таггерт, не можете.

И понес ее через луг.

Дагни лежала неподвижно, полуобняв Голта, положив голову ему на плечо, и думала: «Всего на несколько минут — пока это длится — можно покориться: забыть все и позволить себе чувствовать...» Она задумалась, испытывала ли раньше что-то подобное, около минуты промучилась, но вспомнить не смогла. Некогда ей дано было познать чувство уверенности — окончательной, достигнутой, не подлежащей сомнению. Но ощущение безопасности и сознание, что принимать защиту, а значит, сдаваться, допустимо для нее — было внове, потому что это странное чувство было охранной грамотой не от будущего, а от прошлого, щитом, избавляющим не от битвы, а от поражения, плечом, представленным не ее слабости, а силе... Ощущая, сколь крепки его руки, видя медно-золотистые пряди его волос, тени ресниц на

лице, она вяло подумала: «Да, защищена, но от чего?.. Это он — тот враг... так ведь? Так почему?..» Дагни не знала и не могла сейчас об этом думать. Потребовалось усилие, чтобы вспомнить: несколько часов назад у нее были некие цели и мотив. Она пыталась вспомнить, какие.

— Вы знали, что я лечу за вами? — спросила она.

— Нет.

— Где ваш самолет?

— На летном поле.

— А где оно?

— В другом конце долины.

— Когда я смотрела вниз, там не было никакого поля. Да и луга не было. Откуда он взялся?

Голт поднял взгляд к небу.

— Посмотрите внимательно. Видите что-нибудь сверху?

Дагни запрокинула голову, однако не увидела ничего, кроме безмятежной утренней лазури. Вскоре разглядела несколько легких полос мерцающего воздуха.

— Тепловые волны, — сказала она.

— Преломление лучей света в земной атмосфере, — ответил он. — Эта долина представляет собой вершину горы высотой в восемь тысяч футов и находится в пяти милях отсюда.

— Что-что?

— Да, не удивляйтесь, вершина горы, на которую не станет садиться ни один летчик. То, что вы видели, было ее отражением, спроецированным над этой долиной.

— Каким образом?

— Тем же, что вызывает в пустыне мираж: отражением от слоя нагретого воздуха.

— И что же вызывает это отражение?

— Воздушный экран, надежно защищающий от всего — кроме такой смелости, как ваша.

— О чем это вы?

— Я никак не думал, что какой-нибудь самолет станет пикировать всего лишь в семистах футах от земли. Вы врезались в лучевой экран. Некоторые из этих лучей, создавая магнитное поле, глушат моторы. Ну, что ж, вы второй раз удивили меня: за мной никогда еще не летали.

— А зачем вам этот экран?

— Это место — частная собственность, и она должна оставаться частной.

— Что это за место?

— Я покажу его вам, раз уж вы здесь, мисс Таггерт. А потом отвечу на ваши вопросы.

Дагни умолкла. Она вдруг поняла, что спрашивает Голта о чем угодно, только не о нем самом. Казалось, он представлял собой единое целое, ставшее понятным с первого взгляда, как некий неизменный абсолют, как не требующая объяснений аксиома; она словно и так уже знала о нем все, и теперь ей в этом знании оставалось только утвердиться.

Голт нес ее по узкой извилистой тропе, спускавшейся ко дну долины. На склонах вокруг, неподвижно прямо, в мужественной простоте, будто доведенные до искомой формы скульптуры, стояли высокие темные пирамиды елей — полная противоположность сложному, женственному, многообразному кружеву трепетавших в солнечных лучах березовых листьев.

Лучи солнца падали сквозь листву на его волосы, на их лица. Дагни не могла видеть, что лежит внизу, за серпантинном тропы.

Ее взгляд постоянно возвращался к его лицу. Голт также то и дело смотрел на нее. Сперва она отворачивалась, будто стыдясь своего интереса. Потом, следуя его примеру, больше не отводила глаз, видя: он знает, что она чувствует, и не скрывает от нее смысла своих взглядов.

Дагни понимала: его молчание такое же признание, как и ее. Он держал ее не бесстрастно, как мужчина, просто несущий раненую женщину, лишь потому, что она не может ходить. Это было объятием, хотя она не замечала даже намека на какую-то интимность в поведении Голта; она только *чувствовала*, как он всем телом *чувствует* ее тело.

Дагни услышала шум водопада еще до того, как увидела хрупкую хрустальную нить, падающую прерывистыми блестящими полосками по уступам. Этот звук доносился сквозь неясный ритм в ее мозгу, казавшийся не громче отголосков воспоминаний — но они двигались дальше, а ритм сохранялся. Дагни прислушивалась к шуму воды, но другой звук становился отчетливее, нарастая не в ее голове, а где-то в листве. Тропинка круто свернула, и во внезапно открывшейся прогалине Дагни увидела внизу, на уступе, небольшой дом с блеском солнца на стеклах распахнутого окна. И тут поняла, *что* из прошлого вызвало у нее желание покориться настоящему — это было ночью в пыльном вагоне «*Кометы*», когда она впервые услышала тему Пятого концерта Халлея: чистую, свободно парящую музыку, будто взлетающую над клавишами фортепиано под четкими движениями чьих-то сильных, уверенных пальцев.

Дагни поспешно, словно надеясь застать Голта врасплох, спросила:

— Это ведь Пятый концерт Ричарда Халлея, так ведь?

— Да.

— Когда он написал его?

— Почему бы не спросить у самого композитора?

— Он здесь?

— Вы слышите его игру. Это его дом.

— О!..

— Вы познакомитесь с ним позже. Халлей будет рад поговорить с вами. Он знает, что вечерами, в одиночестве, вы слушаете только его пластинки.

— Откуда?

— Я сказал ему.

На лице Дагни отразился вопрос, который она готова была начать словами: «Как, черт возьми...» — но увидела выражение глаз Голта и засмеялась; смех ее отражал то же, что его взгляд. Нельзя спрашивать ни о чем, подумала она, нельзя ни в чем сомневаться — при звуках такой музыки, торжественно поднимающейся сквозь залитую солнцем листву, музыки освобождения, избавления, исполняемой так, как и должно, как она силялась услышать ее в раскачивающемся вагоне сквозь стук усталых колес... Должно быть, именно так *виделась* ей эти звуки той ночью: волшебная долина, утреннее солнце и... Она ахнула, потому что тропинка повернула, и с высоты открытого уступа она увидела город на дне долины.

Собственно, это был не город, лишь скопление домов, беспорядочно разбросанных от дна до уступов гор, вздымавшихся над крышами и охватывающих их крутым, непроходимым кольцом.

Это были жилые дома, небольшие, новые, с резкими, угловатыми формами и блеском широких окон. Вдали некоторые строения казались более высокими, струйки дыма над ними наводили на мысль о промышленном районе. Но вблизи, на стройной гранитной колонне, поднимавшейся с уступа внизу до уровня ее глаз, стоял слепивший своим блеском, делавший все остальное тусклым, знак доллара высотой в три фута, выполненный из чистого золота. Он сиял в пространстве над городом, словно его герб, его символ, его маяк, и улавливал солнечные лучи, будто аккумулируя их и пересылая в сиянии своем туда, вниз, к крышам домов.

— Что это? — изумленно спросила Дагни.

— А, это шутка Франсиско.

— Какого Франсиско? — прошептала она, уже зная ответ.

— Франсиско д'Анкония.

— Он тоже здесь?

— Будет со дня на день.

— Почему вы назвали это шуткой?

— Он установил сей знак как юбилейный подарок хозяину этих мест. А потом мы сделали его своей эмблемой. Нам понравился ход мысли Франсиско.

— Разве владелец этих мест не вы?

— Я? Нет, что вы... — Голт глянул вниз, на подножие уступа, и добавил, указывая: — Вот идет хозяин.

В конце грунтовой дороги остановилась легковая машина, из нее вышли двое и стали торопливо подниматься. Разглядеть их лиц Дагни не могла; один был высоким, худощавым, другой пониже, более мускулистый. Они скрылись из виду за поворотом тропинки.

Дагни снова увидела их, когда они появились из-за выступа скалы. Их лица поразили ее, словно внезапное столкновение.

— Ну и ну, будь я проклят! — сказал, глядя на нее, мускулистый, которого она не знала.

Она же смотрела на его элегантного, высокого спутника: это был Хью Экстон.

Он заговорил первым, поклонясь ей с любезной приветственной улыбкой:

— Мисс Таггерт, мне впервые кто-то доказал мою неправоту. Я и не думал, говоря, что вы никогда его не найдете, увидеть вас у него на руках.

— На руках у кого?

— Ну, как же, у изобретателя того двигателя.

Дагни ахнула, закрыв глаза; она должна была догадаться сама. Подняв веки, она взглянула на Джона Голта. Тот улыбался, уверенно, насмешливо, словно *опять* понимал, что это для нее значит.

— Было бы поделом, если б вы себе шею свернули! — гневно проворчал мускулистый, впрочем, с явной озабоченностью, даже чуть ли не с симпатией. — Надо ж было додуматься выкинуть такой трюк, и кому?! Женщине, которую бы здесь и так приняли с распростертыми объятиями, войди она через парадную дверь!

— Мисс Таггерт, позвольте представить вам Мидаса Маллигана, — сказал Голт.

— О!.. — только и вымолвила Дагни, а потом рассмеялась: удивляться она уже не могла. — Вы хотите сказать, что я погибла в катастрофе, и это какой-то иной род существования?

— Верно, род существования иной, — ответил Голт. — А что касается гибели, разве не кажется, что все, скорее, наоборот?

— Да, — прошептала она, — да... — и улыбнулась Маллигану. — А где эта парадная дверь?

— Здесь, — ответил он, указывая на свой лоб.

— Я потеряла ключ, — сказала Дагни искренне, без обиды. — Я теперь потеряла все ключи.

— Вы найдете их. Но что, черт возьми, вы делали в этом самолете?

— Преследовала.

— Его? — он указал на Голта.

— Да.

— Вам повезло, что остались живы! Сильно покалечились?

— Не думаю.

— Когда вам окажут помощь, придется ответить на несколько вопросов.

Маллиган резко повернулся и первым пошел вниз, к машине, потом оглянулся на Голта:

— Ну, что теперь делать? Мы не готовы к этому: первый штрейкбрехер.

— Первый... кто? — спросила Дагни.

— Неважно, — ответил Маллиган и снова поглядел на Голта. — Так что делать-то?

— Она будет на моем попечении, — ответил Голт, — я за нее в ответе. Вы займитесь Квентином Дэниелсом.

— О, с ним все в порядке. Ему нужно лишь осмотреться. Все остальное он, как будто, знает.

— Да. Квентин практически сам прошел весь путь, — видя, что Дагни смотрит на него в изумлении, Голт сказал: — Вы сделали мне комплимент, выбрав Дэниелса моим дублером. Он вполне заслуживал доверия.

— Где он? — спросила Дагни. — Расскажите, что случилось.

— Ну, Мидас встретил нас на летном поле, отвез меня домой, а Дэниелса взял к себе. Я собирался встретиться с ними за завтраком, но увидел, как ваш самолет, вертясь, падает на луг. Я оказался ближе всех.

— Мы приехали быстро, как только смогли, — сказал Маллиган. — Я считал, что тот, кто сидит в этом самолете, вполне заслуживает гибели. Мне и в голову не могло прийти, что это один из тех двоих на всем белом свете, единственных, для кого я сделал бы исключение.

— А кто второй? — спросила Дагни.

— Хэнк Риарден.

Она невольно поморщилась, как от боли; это походило на внезапный удар в солнечное сплетение.

Дагни стало любопытно, почему ей вдруг показалось, что Голт смотрит пристально ей в лицо и что она заметила в нем какую-то перемену, слишком быструю, чтобы ее понять.

Они подошли к машине. Это был «хэммонд» с откинутым верхом, одна из самых дорогих моделей, выпущенный несколько лет назад, но в превосходном состоянии благодаря умелому обращению. Голт посадил Дагни на заднее сиденье, он придерживал ее, обняв одной рукой. Она время от времени чувствовала острую боль в ноге, но старалась не обращать на нее внимания. Смотрела на далекие дома города, когда Маллиган повернул ключ зажигания, и машина тронулась, а когда они проезжали мимо символа доллара, и золотой луч, скользнув по лбу, резанул ей по глазам, она спросила:

— И кто же хозяин всего этого?

— Я, — ответил Маллиган.

— А он кто? — она кивнула на Голта.

Маллиган усмехнулся:

— Он просто здесь работает.

— А вы, доктор Экстон? — спросила она.

Тот обратил взгляд на Голта.

— Я — один из его двух отцов, мисс Таггерт. Тот самый, который не предал его.

— О! — произнесла она, догадавшись. — Ваш третий ученик?

— Да.

— Помощник бухгалтера! — простонала она, вспомнив.

— Что-что?

— Так назвал его доктор Стэдлер. Сказал, что вот кем, видимо, стал его третий ученик.

— Он дал мне слишком высокую оценку, — сказал Голт. — По его меркам, по меркам его мира, я значительно ниже.

Машина свернула на узкую дорогу, ведущую к дому, одиноко стоявшему на гребне горы над долиной. Дагни увидела человека, быстро шагнувшего по тропинке в сторону города. Он был одет в синий хлопчатобумажный комбинезон и нес под мышкой жестяную коробку для завтрака. В его быстрых, порывистых движениях было что-то знакомое. Когда машина проезжала мимо, Дагни мельком увидела его лицо — и откинулась назад; голос ее взвился до вопля от боли, причиненной внезапным толчком машины... и увиденным:

— Остановите! Остановите! Не дайте ему уйти!

Это был Эллис Уайэтт.

Мужчины рассмеялись, но Маллиган остановил машину.

— О... — виновато пролепетала Дагни слабым голосом, поняв, что из этой долины Уайэтт не исчезнет.

Уайэтт побежал к ним: он тоже узнал ее. Когда он ухватился за край дверцы, Дагни увидела его лицо и пылкую, торжествующую улыбку, которую видела раньше всего лишь раз: на платформе «Узла Уайэтта».

— Дагни! И вы, наконец, тоже? Одна из нас?

— Нет, — ответил ему Голт. — Мисс Таггерт здесь случайно.

— Что?

— Ее самолет разбился. Не видели?

— Разбился... *здесь?*

— Да.

— Я слышал шум самолета, но... — выражение замешательства на его лице сменилось улыбкой, сожалеющей, удивленной, дружеской. — Понятно. О, черт, Дагни, это просто нелепо!

Она беспомощно смотрела на него, не в силах связать прошлое с настоящим; беспомощно — как человек, говоривший во сне мертвому другу те слова, что не сказал ему при жизни, но теперь повторяющий их наяву, вспоминая, как старался дозвониться до него почти два года назад, те самые слова, которые надеялся произнести, если увидит его снова:

— Я... я пыталась связаться с вами.

Уайэтт мягко улыбнулся:

— Мы тоже долго пытались связаться с вами, Дагни... Вечером увидимся. Не беспокойтесь, я не исчезну — думаю, вы тоже.

Он помахал остальным и пошел, унося свою жестяную коробку. Маллиган завел мотор; она подняла взгляд и увидела, что Голт опять пристально на нее смотрит. Лицо Дагни помрачнело, словно она позволила себе признать боль, отказывая ему в удовольствии упрекнуть ее в скрытности.

— Ладно, — сказала она. — Догадываюсь, что за демонстрацию вы хотите устроить, дабы меня впечатлить.

Хоть, возможно, и неловко Дагни пыталась пошутить, но на лице Голта не отразилось никакой ответной реакции, если, конечно, не считать таковой полное бесстрашие.

— Наше первое правило, мисс Таггерт, — сказал он, — в том, что каждый должен увидеть все своими глазами.

Машина остановилась перед одиноко стоящим домом. Он был выстроен из грубо обтесанных гранитных блоков, фронтон его был полностью прозрачен — почти сплошной лист стекла.

— Я пришла врача, — сказал Маллиган, отъезжая, а Голт понес Дагни по дорожке.

— Это ваш дом? — спросила она.

— Мой, — ответил Джон Голт, открывая ногой дверь.

Он перенес Дагни через порог в блестящую просторную гостиную; потоки солнечного света падали на полированные сосновые доски стен. Она увидела несколько изготовленных вручную предметов мебели, потолок с голыми балками, сводчатый проход в небольшую кухню с неотшлифованными полками, деревянным столом и поразительно искусными деталями хромировки электрической плиты; дом обладал примитивной простотой хижины первопроходца, сведенной к самому необходимому, но построенный со сверхсовременным мастерством.

Голт пронес Дагни через поток солнечного света в маленькую комнату для гостей и уложил на кровать. Она увидела окно, выходящее на склон с каменными ступенями и устремленными в небо соснами. Под подоконником — надписи мелкими буквами, словно вырезанными в древесине стен; несколько разрозненных строчек, будто написанных разными почерками. Слов Дагни разобрать не могла. Затем увидела еще одну дверь, полуоткрытую — она вела в спальню Голта.

— Я здесь гостя или арестантка? — спросила Дагни.

— Это будет зависеть от вашего выбора, мисс Таггерт.

— Я не могу выбирать, имея дело с незнакомцем.

— С незнакомцем? Разве вы не назвали *свою* железную дорогу моим именем?

— О!.. Да... — и вновь мелькнула смутная догадка. — Да, я... — она смотрела на высокого человека с залитыми солнцем волосами, со сдержанной улыбкой в беспощадно пронизательных глазах и видела — словно отражение — *Свою Дорогу* и тот летний день, когда был пущен первый состав, думала, что если человеческая фигура и может служить эмблемой *Этой Дороги*, то она перед ней. — Да... Назвала... — затем, припомнив остальное, добавила: — Оказалось, что именем врага.

Голт улыбнулся.

— Это противоречие вам рано или поздно придется разрешить, мисс Таггерт.

— Это вы... Не так ли? Уничтожили мою дорогу...

— Нет. Уничтожило ее противоречие.

Дагни закрыла глаза; через несколько секунд задала вопрос:

— Я слышала о вас всякое, что же правда?

— Все.

— Вы сами распространяли эти слухи?

— Нет. Зачем? Я никогда не хотел, чтобы обо мне говорили.

— Но знаете, что стали легендой?

— Да.

— Молодой изобретатель из моторостроительной компании «Двадцатый век» — одна из подобных *правд*, так ведь?

— Да.

Дагни не могла сдержать волнения, ее голос упал до шепота:

— Тот двигатель... что я обнаружила... его сделали вы?

— Да.

Дагни невольно вскинула голову от радости.

— Секрет преобразования энергии... — начала было она и умолкла.

— Я мог бы объяснить его вам за пятнадцать минут, — сказал Голт в ответ на ее невысказанную, отчаянную просьбу, — но на свете нет силы, способной заставить меня это сделать. Если понимаете это, значит, со временем поймете и все остальное.

— Та ночь... двенадцать лет назад... весенняя ночь, когда вы ушли с собрания шести тысяч предателей — эта история верна, не так ли?

— Да.

— Вы сказали им, что остановите двигатель мира.

— Я остановил его.

— Что именно вы сделали?

— Ничего, мисс Таггерт. И в этом весь мой секрет.

Дагни молча устремила на него долгий взгляд. Голт стоял с таким видом, словно читал ее мысли.

— Разрушитель... — заговорила она потерянными, беспомощным голосом.

— ...самая зловредная тварь на свете, — продолжил он, почти цитируя, и она узнала свои слова, — человек, организующий утечку мозгов...

— Как же пристально вы следили за мной, — заметила Дагни, — и как долго?

Пауза была очень краткой; взгляд его остался неподвижным, но ей показалось, что в нем появилась напряженность, словно оттого, что он давно ждал этой встречи, и она услышала в его голосе какую-то странную, тщательно скрываемую пылкость, когда Голт спокойно ответил:

— Много лет.

Дагни закрыла глаза; ей хотелось просто расслабиться и сдаться. Она чувствовала какое-то беззаботное равнодушие, она стремилась лишь к покою — к тому, чтобы кто-нибудь объявил ее беспомощной и позаботился о ней.

Приехал врач, седовласый человек с добрым, задумчивым лицом и сдержанными, уверенными манерами.

— Мисс Таггерт, — сказал Голт, — позвольте представить нам доктора Хендрикса.

— Неужели Томаса Хендрикса? — воскликнула она с невольной детской бестактностью; это было имя знаменитого хирурга, ушедшего на покой и исчезнувшего шесть лет назад.

— Разумеется, — пожал плечами Голт.

Доктор Хендрикс в ответ улыбнулся.

— Мидас сказал, что мисс Таггерт нужно лечить от потрясения, — произнес он, — причем не того, которое она перенесла, а от будущего.

— Оставлю вас заниматься этим, — сказал Голт, — а сам пойду купить что-нибудь к завтраку.

Дагни наблюдала за сноровистостью работы доктора Хендрикса, осматривающего ее травмы. Он привез прибор, какого она раньше не видела: портативный рентгеновский аппарат. Доктор сказал, что у нее треснули хрящи двух ребер, растянуты связки голеностопного сустава, содрана кожа на колене и локте, а на теле появилось несколько фиолетовых синяков. К тому времени, когда он быстро и умело наложил повязки и приклеил пластырь, ей казалось, что ее тело представляет собой мотор, проверенный опытным механиком, и беспокоиться о нем больше не стоит.

— Мисс Таггерт, я бы советовал вам оставаться в постели.

— О, нет! Если ходить осторожно и медленно, все будет в порядке.

— Вам следует отдохнуть.

— Думаете, я смогу?

Доктор Хендрикс улыбнулся:

— Пожалуй, нет.

Когда вернулся хозяин дома, она уже оделась. Доктор описал ему состояние Дагни и добавил:

— Завтра я заеду.

— Спасибо, — сказал Голт. — Счет пришлите мне.

— Ни в коем случае! — возмутилась Дагни. — Я сама его оплачу.

Мужчины переглянулись с усмешкой, словно услышав похвальбу нищего.

— Обсудим это позже, — сказал Голт.

Доктор Хендрикс ушел, и Дагни попыталась встать, хромая, держась за мебель. Голт поднял ее, отнес на кухню и усадил за накрытый на двоих стол.

Увидев кипящий на плите кофейник, два стакана апельсинового сока, толстые керамические тарелки, блестящие в лучах солнца на чистом столе, она ощутила голод.

— Когда вы спали и ели последний раз? — спросил Голт.

— Не знаю... я обедала в поезде с... с бродягой, — чуть не брякнула она и услышала какой-то отчаянный голос, умолявший ее бежать, бежать от мстителя, который не станет ее преследовать — мстителя, сидевшего напротив нее со стаканом апельсинового сока в руках. — Не знаю... кажется, много веков назад, на другой планете.

— Как получилось, что вы стали преследовать меня?

— Я приземлилась в аэропорту Афтона, когда вы взлетали. Один человек сказал мне, что Квентин Дэниелс улетел с вами.

— Помню, как ваш самолет заходил на посадку. Но это был единственный раз, когда я о вас не думал. Я полагал, что вы едете поездом.

Глядя на него в упор, она спросила:

— Как прикажете это понимать?

— Что?

— *Единственный раз, когда вы не думали обо мне.*

Голт не отвел взгляда; Дагни увидела характерную для него мимику: гордые, упрямо сложенные губы изогнулись в легкой улыбке.

— Как хотите, — ответил он.

Она чуть помолчала, лицо ее стало суровым. А в голосе звучало обвинение:

— Вы знали, что я еду за Квентином Дэниелсом?

— Да.

— И примчались раньше, чтобы не дать мне встретиться с ним? Чтобы нанести мне поражение — прекрасно зная, что оно будет означать для меня?

— Конечно.

Дагни отвела взгляд и промолчала. Голт поднялся, чтобы закончить готовить завтрак. Она наблюдала, как он, стоя у плиты, жарит гренки и яичницу с беконом. Движения его были уверенными, непринужденными, но это было мастерство другой профессии; руки его двигались с четкостью машиниста, передвигающего рычаги управления. Она внезапно вспомнила, где уже видела такие же виртуозные и бессмысленные действия.

— Научились этому у доктора Экстона? — спросила она, указывая на плиту.

— Да, помимо всего прочего.

— Он учил вас тратить время, *ваше время*, — она не могла сдерживать негодующей дрожи в голосе, — на такую работу?!

— Я тратил время и на гораздо большие пустяки.

Когда он поставил перед ней тарелку, она спросила:

— Где вы взяли продукты? Здесь есть продовольственный магазин?

— Лучший на свете. Принадлежит Лоуренсу Хэммонду.

— Что?!

— Лоуренсу Хэммонду из «Хэммонд Кар Компани». Бекон с фермы Дуайта Сандерса — из «Сандерс эркрафт». Яйца и масло от судьи Наррангасетта — из Верховного суда штата Иллинойс.

Дагни злобно посмотрела на тарелку, словно боясь коснуться ее.

— Это самый дорогой завтрак, какой у меня когда-либо был, учитывая стоимость времени повара и всех остальных.

— С одной стороны — да. Но с другой — самый дешевый, потому что никакая часть его не ушла к грабителям, которые заставили бы вас платить за него из года в год и в конце концов бросили голодать.

После долгого молчания она спросила простодушно, чуть ли не с завистью:

— Что вы все здесь делаете?

— Живем.

Дагни еще ни разу не слышала, чтобы это слово звучало так убедительно.

— А что у вас за служба, место, должность, чин... не знаю, как и назвать? Ведь Мидас Маллиган сказал, что вы работаете здесь.

— Пожалуй, я мастер на все руки.

— Что-что? Простите, не поняла.

— Меня вызывают, когда выходит из строя какое-то оборудование — к примеру, в системе энергоснабжения.

Дагни посмотрела на него и внезапно подскочила, невольно бросив взгляд на электрическую плиту, но боль в ноге заставила ее снова сесть.

Голт усмехнулся:

— Да-да, и это тоже, только успокойтесь, а то доктор Хендрикс вернет вас в кровать.

— Система энергообеспечения... — сдавленно произнесла она, — энергетическая система здесь... *работающая на вашем двигателе?*

— Да.

— Он построен? Действует?

— Он готовил вам завтрак.

— Я хочу видеть его!!!

— Не стоит калечиться, чтобы посмотреть на плиту. Это обыкновенная электрическая плита, только эксплуатация ее примерно в сто раз дешевле. И это все, что вы сможете увидеть, мисс Таггерт.

— Вы обещали показать мне долину.

— Долину покажу. Но генератор — нет.

— Ладно. А остальное — сейчас, как только покончим с завтраком?

— Если хотите и если способны двигаться.

— Способна.

Голт встал, подошел к телефону и набрал номер:

— Алло, Мидас?.. Да... Он был? Да, у нее все в порядке... Дашь мне машину на сегодня?.. Спасибо. Да, по обычной ставке, двадцать пять центов... Пришлешь ее сюда?.. Слушай, а нет ли у тебя случайно какой-нибудь трости? Она ей потребуется... Сегодня вечером? Да, пожалуйста. Мы будем. Спасибо.

Он положил трубку. Дагни изумленно смотрела на него.

— Насколько я поняла, мистер Маллиган — которому принадлежит около двухсот миллионов долларов, — будет брать с вас двадцать пять центов за пользование машиной?

— Совершенно верно.

— Господи, неужели он не может дать ее вам просто так, в виде любезности?

Голт посмотрел на Дагни какое-то время, так, чтобы она непременно заметила и верно оценила его холодную усмешку.

— Мисс Таггерт, — заговорил он, — у нас в этой долине нет ни законов, ни правил, ни каких-то официальных организаций. Мы приехали сюда, потому что хотим отдохнуть. Но есть определенные обычаи, которые мы все соблюдаем, так как прекрасно понимаем, от чего именно хотим отдохнуть и от чего наш отдых зависит. Поэтому сразу предупреждаю вас, что в этой долине одно слово находится под запретом: слово «дай».

— Прошу прощения, — сказала она. — Вы правы.

Он снова налил ей кофе и протянул пачку сигарет.

Беря сигарету, она улыбнулась: на ней был знак доллара.

— Если к вечеру не очень устанете, — сказал Голт, — Маллиган приглашает нас на ужин. Там будет несколько гостей, с которыми, полагаю, вы захотите встретиться.

— О, конечно! Я не устану. Думаю, никогда больше не буду уставать.

Когда они позавтракали, Дагни увидела, как перед домом остановилась машина Маллигана. Водитель выскочил, побежал по дорожке и ринулся в комнату, даже не задержавшись, чтобы позвонить или

постучать. Она не сразу поняла, что этот пылкий, запыхавшийся, растрепанный молодой человек — Квентин Дэниелс.

— Мисс Таггерт, — воскликнул он, — прошу меня простить! — искренняя вина в его голосе противоречила радостно-взволнованному выражению лица. — Раньше я никогда не нарушал слова! Оправдания этому нет, я не могу просить у вас извинений и знаю, вы не поверите мне, но правда заключается в том, что я... я забыл!

Она взглянула на Голта.

— Я вам верю.

— Я забыл, что обещал ждать, забыл обо всем — вспомнил лишь несколько минут назад, когда мистер Маллиган сказал, что вы разбились здесь на самолете, тут я понял, что это моя вина, и если с вами что-то случилось... Господи, вы целы?

— Да. Не беспокойтесь. Присаживайтесь.

— Я не представляю, как можно забыть о честном слове. Не знаю, что со мной случилось.

— Зато я знаю.

— Мисс Таггерт, я несколько месяцев работал над той гипотезой, и чем дальше, тем более безнадежной она мне представлялась. Я провёл в лаборатории два последних дня, пытаюсь решить математическое уравнение, казавшееся тупиковым. Думал, что скорей умру у грифельной доски, но не сдамся. Когда он вошел, время было уже позднее. Кажется, я его даже не заметил. Он сказал, что хочет поговорить со мной, я попросил его подождать и продолжал работать. Думаю, просто забыл о его присутствии. Не знаю, сколько он простоял, наблюдая за мной, но помню, как он протянул руку, стер с доски все мои цифры и написал одно краткое уравнение. И тут я заметил его! Потом вскрикнул — это не было полным решением проблемы двигателя, но было путем, которого я не видел, о существовании которого не подозревал, но я понял, куда он ведет! Помню я воскликнул: «Откуда вы можете это знать?» — И он ответил, указывая на фотографию вашего двигателя: «Я тот, кто его сделал». И больше я ничего не помню, мисс Таггерт, я забыл даже о собственном существовании, потому что мы заговорили о статическом электричестве, преобразении энергии и этом моторе.

— По пути сюда мы все время твердили о несовершенстве современной физики и связанных с этим проблемах, — сказал Голт.

— О, я помню, как вы спросили, полечу ли я с вами, — сказал Дэниелс, — хочу ли я улететь, никогда не возвращаться и махнуть рукой на все... На все? На мертвый институт, который разрушается, превращается в джунгли, на свое будущее в роли дворника, работа по закону, на Уэсли Моуча, на Директиву 10-289 и низших животных, которые

ползают на брюхе, бормоча, что не существует никакого разума!.. Мисс Таггерт! — ликующе рассмеялся он, — этот человек спросил меня, махну ли я на все это рукой и полечу ли с ним! Ему пришлось спрашивать дважды, сперва я просто не мог поверить. Не мог поверить, что человека нужно вообще об этом спрашивать. Улететь? Да я бы с небоскреба прыгнул, чтобы последовать за ним, чтобы услышать его формулу, пусть даже в коротком полете, пока мы не ударились о землю!

— Я вас не виню, — сказала Дагни; она смотрела на него с легкой тоской, чуть ли не с завистью. — Кроме того, вы выполнили условия контракта. Вы привели меня к тайне этого двигателя.

— Я и здесь буду дворником, — продолжил Дэниелс, радостно улыбаясь. — Мистер Маллиган сказал, что даст мне работу дворника на электростанции. А когда обучусь, повысит меня до электрика. Мидас Маллиган — великий человек, правда? Я хочу стать таким же к его возрасту. Хочу заколачивать деньги. Миллионы. Не меньше, чем он!

— Дэниелс! — Дагни рассмеялась, вспомнив спокойную сдержанность, четкую пунктуальность, строгую логику молодого ученого, которого знала в другом мире, в другое время. — Что это с вами? Где вы? Понимаете, что говорите?

— Где я? Я здесь, мисс Таггерт — и здесь никто на меня не давит! Я живу, как хочу! Я стану лучшим, самым богатым электриком на свете! Стану...

— Сперва ты пойдешь в дом Маллигана, — сказал Голт, — и спишь сутки, иначе близко не подпущу к электростанции.

— Да, сэр, — кротко ответил Дэниелс.

Когда они вышли из дома, солнце клонилось к вершинам сосен, описав круг над долиной блестящего гранита и сверкающего снега. Дагни внезапно показалось, что за этой границей света ничего нет, и она обрадовалась величавому покою, который можно обрести в конкретной, предельной реальности, в знании, что все твои заботы здесь, рядом, под рукой, и не надо ничего выдумывать. Ей захотелось поднять руки над крышами лежавшего внизу города, представляя себе, как кончики пальцев коснутся горных вершин. Но поднять рук Дагни не могла; одной она опиралась о трость, другой — о плечо Голта, и медленно, старательно ступая, шла к машине, словно ребенок, который только учится ходить.

Дагни сидела рядом с Голтом, когда он, огибая город, вел машину к дому Мидаса. Его дом, самый большой в долине, стоял на гребне холма. В отличие от всех прочих он был двухэтажным и представлял собой причудливую комбинацию старинной крепости с толстыми

гранитными стенами, разбитыми широкими открытыми террасами, и ультрасовременной виллы. Голт остановился, высадил Дэниелса и поехал дальше по извилистой, медленно поднимающейся в горы дороге.

Мысль о несомненном превосходстве и состоятельности Маллигана, роскошная машина, лежавшие на руле руки Голта заставили Дагни подумать, богат ли сам Голт. Она взглянула на его одежду: серые брюки и белая рубашка казались сшитыми из простого, но долговечного материала; узкий кожаный ремень выглядел явно не новым; часы на запястье хоть и показывали точное время, были оправлены в простой корпус из нержавеющей стали... Единственный намек на роскошь — его волосы: пряди струились на ветру, словно жидкое золото или медь.

За поворотом дороги Дагни вдруг увидела зеленые пастбища, тянувшиеся к далекой ферме. Там паслись отары овец, щипали травку лошади; далее мелькали прямоугольники многочисленных свинарников под широкими навесами... затем появился металлический ангар, каких на фермах не бывает. К нему быстро шел человек в яркой ковбойской рубашке. Голт остановил машину и помахал ему, но на вопросительный взгляд Дагни не ответил. И не случайно. Он подарил ей радость открытия: подбежавший к машине человек был Дуайт Сандерс.

— Здравствуйте, мисс Таггерт, — сказал он, улыбаясь.

Она молча посмотрела на закатанные рукава его рубашки, на грубые сапоги, на скот вокруг.

— Стало быть, это все, что осталось от вашей авиакомпании?

— Ну что вы. Есть превосходный моноплан, моя лучшая модель, который вы разбили там, на холмах.

— О, вы знаете об этом? Да, так это один из ваших... Замечательная машина. Но, боюсь, я слишком сильно повредила его.

— Вам следует заплатить за ремонт.

— Кажется, при посадке я распорол брюхо вашего красавца. Никто не сможет его починить.

— Я смогу, мисс Таггерт, поверьте.

Столь теплого, дружеского тона Дагни не слышала уже много лет и давно потеряла надежду услышать его вновь. Она лишь горько усмехнулась:

— Каким образом? Здесь, на свиноферме?

— Ну что вы, — обиделся он. — На «Сандерс Экрафт».

— И где же она?

— А где она, по-вашему, была? В Нью-Джерси, в том здании, которое кузен Тинки Холлоуэй купил у моих обанкротившихся преемни-

ков на средства от государственного займа и временного освобождения от налогов. В здании, где он построил шесть самолетов, так и не поднявшихся в небо, и восемь, что поднялись, но разбились, с сорока пассажирами каждый.

— Тогда... где же она теперь?

— Там, где я.

Он указал на другую сторону дороги. Сквозь вершины сосен Дагни увидела на дне долины прямоугольник аэродрома.

— У нас здесь несколько самолетов, и моя работа — содержать их в исправности, — сказал Сэндерс. — Я — фермер и аэродромный служащий. Прекрасно делаю ветчину и бекон сам, без помощи тех, у кого раньше их покупал. Но они делать без меня самолеты не могут, как, впрочем, и свою прежнюю ветчину.

— Но вы... вы ведь не конструировали самолеты.

— Да, не конструировал. И не строил тепловозы, как некогда вам обещал. Со времени нашей последней встречи я спроектировал и построил всего один новый трактор. Сам. Вручную. Необходимости в массовом производстве не возникло. Этот трактор сократил восьмичасовой рабочий день до четырехчасового там... — его рука покоролевски широким жестом вольного человека указала на другую сторону долины, где Дагни увидела зеленые террасы висячих садов на дальнем горном склоне, — и там, на фермах судьи Наррангасетта, — его рука медленно двинулась дальше, к длинному, плоскому зеленовато-золотистому участку у начала ущелья, затем к ярко-зеленой полосе. — И там, на пшеничных полях и табачных полях Мидаса Маллигана, — рука поднялась выше, к гранитному склону с обширными полосами блестящей от влаги листвы, — и там, на плодовых плантациях Ричарда Халлея...

Еще долго после того, как его рука опустилась, Дагни молчала, а затем сказала лишь:

— Ясно.

— Теперь верите, что я смогу отремонтировать ваш самолет? — спросил Сэндерс.

— Верю. Но вы его видели?

— Конечно. Мидас немедленно вызвал двух врачей: Хендрикса для вас, меня для вашего самолета. Но работа эта будет дорого стоить.

— Сколько?

— Двести долларов.

— Двести долларов? — удивленно переспросила Дагни: цена показалась ей до смешного низкой.

— Золотом, мисс Таггерт.

— О!.. Хорошо, где можно купить золото?

— Нигде нельзя, — усмехнулся Голт.

Она резко повернулась и вызывающе взглянула на него:

— Как это *нельзя*?

— Нельзя там, откуда вы прибыли. Ваши законы это запрещают.

— А ваши нет?

— А наши — нет.

— Тогда продайте его мне. По своему валютному курсу. Назовите любую сумму — в моих деньгах.

— В каких деньгах? Вы неимущая, мисс Таггерт.

— Что???

Наследница Таггертов никак не ожидала услышать подобное в свой адрес, в какой бы точке планеты она ни находилась.

— Увы, но так оно и есть. В этой долине вы неимущая. У вас миллионы долларов в акциях «*Таггерт Трансконтинентал*», однако здесь вы не купите на них и фунта бекона.

— Ясно...

Голт улыбнулся и повернулся к Сандерсу:

— Принимайся за ремонт самолета. Когда-нибудь мисс Таггерт расплатится.

Он завел мотор и повел машину дальше. Дагни сидела, ни о чем не спрашивая; в горле стоял комок.

Полоса яркой бирюзы рассекла скалы впереди — дорога делала поворот; Дагни не сразу догадалась, что это озеро. Его недвижная поверхность смешивала голубизну небосвода и зелень поросших соснами гор в такой ясный, чистый цвет, что небо над ней казалось светло-серым. Между соснами несся бурный поток, шумно спадая по каменным уступам и исчезая в безмятежной воде. Неподалеку стояло маленькое гранитное строение.

Голт остановил машину, и тут же из открытой двери дома вышел человек в комбинезоне. Это был Дик Макнамара, некогда ее лучший подрядчик.

— Здравствуйте, мисс Таггерт! — приветливо сказал он. — Рад видеть, что вы не очень пострадали.

Дагни молча кивнула — это было словно приветствие былой потери и безрадостному прошлому, унылому вечеру и выражению отчаяния на лице Эдди Уиллерса, сообщающего о том, что Макнамара ушел. «Пострадала? — подумала она. — Да, но не в этой авиакатастрофе, а в тот вечер, в пустом кабинете...» А вслух произнесла:

— Что вы здесь делаете? Ради чего предали меня в самый тяжелый момент?

Макнамара с улыбкой указал на каменное строение и скалистый обрыв, по которому, исчезая в подлеске, шла водопроводная труба.

— Я занимаюсь коммуникациями. Забочусь о водоснабжении, линиях электропередач и телефонной сети.

— В одиночку?

— Раньше — да. Но за прошлый год нас тут стало так много, что пришлось нанять троих помощников.

— Кого? Откуда?

— Ну, один — профессор экономики, он не мог найти работу, так как учил, что невозможно потреблять больше, чем произведено; другой — профессор истории, не мог найти работу, так как учил, что обитатели трущоб вовсе не те люди, что создали эту страну; третий — профессор психологии, не мог найти работу, так как учил, что люди способны мыслить.

— Они работают у вас водопроводчиками и монтерами?

— Вас удивило бы, как хорошо они справляются.

— А кому остались наши колледжи?

— Какая разница? — Макнамара фыркнул. — Когда я предал вас, мисс Таггерт? Меньше трех лет назад, верно? Я отказался строить ветку для вашей «Линии Джона Голта». Где теперь ваша линия? А мои линии увеличились за это время от двух миль, проложенных Маллиганом, до сотен миль труб и проводов по всей этой долине.

Он увидел на лице Дагни выражение невольного восторга, высокой оценки профессионала; улыбнулся, взглянул мельком на ее спутника и негромко добавил:

— Знаете, мисс Таггерт, если уж говорить о «Линии Джона Голта», может быть, я-то как раз был ей верен, а предали ее вы.

Она посмотрела на Голта. Тот наблюдал за ней, но по его лицу прочесть ничего было нельзя.

Когда они ехали по берегу озера, Дагни спросила:

— Вы нарочно выбрали этот маршрут, да? Показываете мне всех людей, которых... — она умолкла, ей очень не хотелось говорить это, и она закончила иначе: — ...которых я потеряла?

— Я показываю вам всех тех, кого увел от вас, — спокойно ответил он.

«Вот откуда, — подумала Дагни, — этот отпечаток безвинности на его лице: он догадался и произнес те слова, от которых я хотела его избавить, отверг мою попытку смягчить фразу, как отверг и все то, что не основано на его ценностях, и полный гордой уверенности в своей нерушимой правоте похвастался тем, в чем я хотела его обвинить».

Дагни увидела впереди деревянный причал. На залитом солнцем пирсе лежала женщина, наблюдавшая за удочками. Услышав шум машины, она подняла взгляд, потом одним поспешным движением —

быть может, слишком поспешным — вскочила на ноги и побежала к дороге. Она была большеглазой, с темными растрепанными волосами, в закатанных выше колена брюках. Голт помахал ей.

— Привет, Джон! Когда вернулся? — крикнула она.

— Сегодня утром, — ответил он с улыбкой и поехал дальше.

Дагни резко обернулась и увидела, каким взглядом эта женщина провожала Голта. И хотя в ее глазах была спокойная грусть уже пережитой неудачи, Дагни ощутила то, чего никогда не знала раньше: укол ревности.

— Кто это? — спросила она.

— Наша лучшая рыбачка. Поставляет рыбу на продовольственный рынок Хэммонда.

— А еще кто?

— Вы заметили, что это «еще кто» есть здесь у каждого из нас? Она писательница. Там ее издавать не будут. Она считает, что когда человек имеет дело со словами, то имеет дело с разумом.

Машина свернула на узкую дорогу, круто уходящую вверх, в чащу кустов и сосен. Дагни поняла, чего ожидать, когда увидела прибитый к дереву дорожный указатель ручной работы с надписью «Проезд *Buena Esperanza*»¹.

То был не проезд, то была стена слоистого камня со сложной системой труб, насосов, вентиляей и клапанов, поднимающаяся, как лоза, по узким выступам, а на самом верху высился громадный деревянный символ — гордая сила букв, соединившихся в двух словах: «Уайэтт Ойл».

Нефть текла блестящей струей из трубы в цистерну у основания стены — единственное свидетельство громадной тайной работы внутри камня, итога бесперебойного функционирования всех сложных механизмов; но эти механизмы не походили на устройство буровой вышки, и Дагни догадалась, что смотрит на секрет «Проезда *Buena Esperanza*», поняла, что нефть добывается из недр каким-то способом, который до сих пор люди считали невозможным.

Эллис Уайэтт стоял на уступе, глядя на застекленную шкалу врезанного в камень датчика. Увидев остановившуюся внизу машину, он крикнул:

— Привет, Дагни! Сейчас спущусь!

Вместе с ним работали еще двое: рослый мускулистый мужчина рядом с насосом посреди стены и парень возле цистерны на земле. У парня были белокурые волосы и необычайно правильные черты. Дагни была уверена, что это лицо ей знакомо, но не могла вспомнить,

---

¹ Добрая надежда (исп.).

где его видела. Парень поймал ее недоуменный взгляд, усмехнулся и, словно желая помочь, насвистал негромко, почти неслышно, первые ноты Пятого концерта Ричарда Халлея. Это был тот юный кондуктор с «*Кометы*».

Она засмеялась:

— Это все-таки был Пятый концерт, верно?

— Конечно, — ответил парень. — Но разве я сказал бы об этом штрейкбрехеру?

— Кому-кому?

— За что я тебе плачу деньги? — спросил, подходя, Эллис Уайэтт; парень со смешком бросился к оставленному на минуту рычагу и снова взялся за него. — Это мисс Таггерт не могла уволить тебя за безделье. Я могу.

— Мисс Таггерт, это одна из причин того, почему я ушел с железной дороги, — сказал парень.

— Вы знали, что я похитил его у вас? — спросил Уайэтт. — Там он был лучшим тормозным кондуктором, а здесь, у меня, — лучший механик, но никто из нас не может удержать его надолго.

— А кто может?

— Ричард Халлей. Музыка. Он лучший ученик Халлея.

Дагни улыбнулась.

— Вижу, здесь на самую дрянную работу нанимают только аристократов.

— Они все аристократы, это верно, — сказал Уайэтт, — потому что знают: не существует дрянной работы, существуют только дрянные люди, которые не хотят за нее браться.

Мужчина наверху с любопытством прислушивался. Дагни подняла взгляд; он походил на водителя грузовика, поэтому она спросила:

— Кем вы были там? Наверно, профессором сравнительной филологии?

— Нет, эм, — ответил он. — Водителем грузовика. — И добавил: — Но не хотел навсегда им оставаться.

Эллис Уайэтт оглядывал свои владения с какой-то мальчишеской гордостью и с жадной признания: это были гордость хозяина на официальном приеме в гостиной его дома и жажда признания художника на открытии его персональной выставки. Дагни улыбнулась и спросила, указывая на механизмы:

— Сланцевая нефть?

— Угу.

— Это тот самый процесс, что вы изобрели, когда были там... на Земле? — невольно вырвалось у нее, и она смутилась.

Эллис засмеялся.